

Деятельность ростовских археологов по охране памятников старины в конце XIX — начале XX вв.

О. О. Непоспехов

В начале 1880-х гг. в Ростове сложился узкий круг единомышленников, стремившихся сохранить памятники древнего величия города. Все они в разное время были избраны членами Императорского Московского Археологического общества (далее — ИМАО), поэтому автор позволит себе называть их археологами, кем они, собственно, и были — в понимании позапрошлого столетия. В 1883 г. ИМАО инициировало создание Комиссии по возобновлению древних зданий в кремле города Ростова. Вскоре, однако, деятельность участников Комиссии развернулась за пределы рамок, указанных в ее названии.

Отдельные эпизоды этой деятельности уже становились в центре внимания исследователей. В статье Е. В. Ким детально и широко рассмотрено участие И. А. Шлякова в реставрации интерьера церкви Спасо-Преображенского монастыря¹. Об участии ростовцев в музеефикации Дворца угличских удельных князей (Царевича Димитрия) сообщала О. Б. Полякова². О роли А. А. Титова в охране памятников Нижнего Новгорода писал А. И. Давыдов³. Заметное место действиям ростовских археологов отведено в капитальной монографии «Памятники архитектуры в дореволюционной России»⁴.

Автор озадачился составлением своеобразного реестра мероприятий, связанных с охранной деятельностью А. А. Титова, И. А. Шлякова и их сподвижников за пределами Ростовского кремля. Источниками для данной работы послужили делопроизводственная документация в собрании ГМЗРК и частная переписка, хранящаяся в личных фондах ростовских деятелей в ГАЯО. Существенным подспорьем явились опубликованные протоколы заседаний ИМАО и Императорской Археологической комиссии (ИАК).

Первое известное нам вступление ростовских археологов на это поприще относится к 1885 г. Ярославская духовная консистория адресовала настоятелей сельских приходов с. Марково (Ростовского у.) и Смоленское

¹ Ким Е. В. В. В. Верещагин — И. А. Шляков. Ярославский проект 1888 года // СРМ. Ростов, 2010. Вып. 18. С. 112–144.

² Полякова О. Б. Деятельность А. А. Титова и И. А. Шлякова по организации Углического музея древностей // ИКРЗ. 1994. Ростов, 1995. С. 3–7.

³ Давыдов А. И. А. А. Титов и охрана памятников архитектуры Нижнего Новгорода // ИКРЗ. 1994. Ростов, 1995. С. 8–12.

⁴ Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. д-ра арх-ры А. С. Щенкова. М., 2002.

(Ярославского у.), запрашивающих разрешение на различные исправления и возобновления в своих храмах, за письменным отзывом в археологическое общество⁵. Как основания для этого шага, были указаны статьи 47 и 50 «Устава духовных консисторий» 9 апреля 1883 г. Напомним, что ст. 47 предусматривала, в частности, что «церкви древние, то есть построенные вообще не позже начала осьмнадцатого века, или хотя и не древние, но замечательные по зодчеству или историческим воспоминаниям», должны «исправляться» только с разрешения Св. Синода, а в «подлежащих случаях» — и Высочайшего разрешения. Ст. 50 требовала, в частности, от епархиального начальства наблюдения за тем, «чтобы нигде, ни под каким предлогом в древних церквях не дозволялось ни малейшего исправления, возобновления и изменения живописи и других предметов давнего времени, а всегда испрашивалось на то разрешение св. Синода, по предварительном сношении с археологическим или историческим обществом»⁶.

Определение Св. Синода, данное пятью годами ранее, 20 декабря 1878 / 8 января 1879 г. обязало епархиальные власти, «чтобы они не иначе приступали к поправкам, переделкам и уничтожению памятников, как по соглашению с одним из ближайших к месту их нахождения археологическим или историческим обществом, как то: Петербургским, Московским и Одесским»⁷.

Права ростовских археологов 4 марта 1888 г. были дополнены Высочайше утвержденными «Правилами административно-хозяйственного управления Ростовского кремля»⁸, которые, по оценке А. Л. Баталова, «устанавливали в пределах одной губернии организационную структуру, повторяющую созданную в 1879 г. в пределах всей империи» (подразумевается вышеупомянутое распоряжение Синода). Далее, правда, исследователь сужает географию: «Это была дочерняя по отношению к MAO система, с подобными правами по отношению к одному городу и даже к одному памятнику... (курсив наш — О. Н.)»⁹. «Не исключено, — продолжает А. Л. Баталов — что со временем MAO могло бы стремиться к созданию аналогичных организаций и в других городах, но последовавшие затем события изменили организацию реставрационного дела во всей империи»¹⁰. Речь идет о Высочайшем соизволении 11 марта 1889 г., дающем исключительное право государственному учреждению — ИАК совместно с Императорской Академией художеств осуществлять надзор за реставрацией «монументальных памятников древности». Однако

⁵ ГМЗРК. АДМ-11. Л. 27–28; ГМЗРК. АДМ-14. Л. 39.

⁶ Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: Сб. док. М., 1997. С. 120.

⁷ Сохранение памятников церковной... С. 114.

⁸ Подробнее см.: Непоспехов О. О. Административно-правовой регламент реставрации Ростовского кремля в 1883–1918 гг. // ИКРЗ. 2012. Ростов, 2013. С. 228–249.

⁹ Баталов А. Л. Организация реставрации в 1850–80-е гг. // Памятники архитектуры в до-революционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. С. 186.

¹⁰ Баталов А. Л. Организация реставрации... С. 186.

ст. 50 «Устава духовных консисторий» об исправлении и возобновлении предметов древности по соглашению с одним из ближайших к месту их нахождения археологическим или историческим обществом отменена не была; более того, 10 октября — 16 ноября 1889 г. вышло специальное определение Синода, подтверждающее прежний порядок.

Возникла двойственная ситуация, приведшая к обострению конкуренции ИМАО и ИАК. И всё же, по наблюдениям А. С. Щенкова, поток дел был столь велик, что их хватало на обе организации, хотя зона влияния ИМАО со временем заметно локализовалась — относительно 1906–1912 гг. это были в основном дела Москвы и Подмосковья, сохранялись и традиционные связи с Закавказьем и Литвой¹¹.

Ростовские же археологи отстаивали свои памятники, не особенно считаясь с ведомственными интересами. Так, в 1894 г. Титов и Шляков обращались в Москву, утверждая, что нельзя допускать перестройки колокольни ростовской церкви Спаса на Торгу, задуманной местными благотворителями. Но ИМАО еще раньше дало разрешение на перестройку, и убедить москвичей изменить решение не удалось. Тогда ростовцы обратились в ИАК, которая их поддержала. 24 апреля 1895 г. Московская комиссия по сохранению древних памятников решила «вопрос о действиях действительных членов Общества А. А. Титова и И. А. Шлякова по рассмотренному делу — перенести на усмотрение Московского Археологического Общества»¹². В интерпретации А. С. Щенкова, московская комиссия «возбудила тогда вопрос об этичности поведения Титова и Шлякова, который должен был рассматриваться на общем собрании МАО»¹³.

Однако, насколько известно, никаких последствий для ростовцев этот своеобразный демарш не имел. Конструктивные отношения и с москвичами, и с петербуржцами продолжились и в дальнейшем. Ростовцы охотно выполняли разного рода поручения москвичей и петербуржцев: от посредничества в общении с местными мастерами-резчиками, предоставления исторических справок о том или ином здании, до принятия на себя наблюдения за различными восстановительными работами. Следует отметить, что существовала и обратная связь — ростовцы извещали ученых обеих столиц о различных переделках, предпринятых без ведома охранных инстанций в местных церквях и монастырях.

Всего, по предварительным данным, с 1885 по 1911 гг. предметом забот ростовцев тем или иным образом явились 2 памятника гражданского зодчества (Ростовские валы и Смоленская крепость) и 41 церковь (приходские, ружные, домовые, монастырские) Ярославской, Владимирской и Нижегородской епархий. Приведем несколько характерных примеров

¹¹ Щенков А. С. Организационные и правовые вопросы охраны памятников древности // Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. С. 343.

¹² Древности. М., 1900. Т. 17. С. 347.

¹³ Щенков А. С. Организационные и правовые вопросы... М., 2002. С. 344.

их деятельности.

Если различные переустройства в древних монастырских и церковных зданиях производилась в соответствии с законодательством, то приход («причт и староста») через Ярославскую духовную консисторию обращались за разрешением на работы в ИАК и ИМАО, а столичные организации препоручали их заботам своих ростовских корреспондентов (иногда последовательность была обратной). Порой духовные власти и члены ИАК официально адресовались не только в Ростовскую археологическую комиссию, но и в Комитет Музея церковных древностей. Комитет, согласно уставу, был создан в 1885 г. для непосредственного управления музеем, и состоял из тех же членов ИМАО, проживающих в Ростове и Ярославле — то есть, из лиц, одновременно являющихся членами местной Комиссии. Неслучайно и то, что они совмещали деятельность по охране памятников архитектуры с комплектованием музейной коллекции.

Например, когда А. А. Титов приехал в с. Марково (Ростовский у.) решать вопрос о расширении и «исправлении» местной деревянной церкви (1684 г., ныне не существует), священник Арсений Добротин передал в библиотеку музея «церковные указы за время 1720–1823 гг.», «каковые, по приведении их в порядок», А. А. Титов «имел честь представить» Комитету музея ноябре 1885 г.¹⁴

И. А. Шляков «при свидетельствовании иконостаса» ц. с. Щаднево в 1901 г. пожелал заполучить «для археологических целей» (то есть для экспонирования в Ростовском музее): «царския врата, резное распятие с предстоящими отдельными изображениями: Б[ожией] Матери, Иоанна Богослова, Восседающий Спаситель и два ангела с рипидами, бывшие по сторонам Его, и еще два малых ангела». Щадневский священник Александр Никольский отправил 9 июня 1904 г. Шлякову чаемые предметы, которые, по словам отправителя, оказались «несколько не исправны, частью облезли от времени, частью несколько испорчены при съемке их с иконостаса». «Иконостас был укреплен плохо, одними гвоздями, и вещи на нем также, и скрепы все от времени ослабли, — сообщал о. Александр — так что сам мастер при большой осторожности чуть было не упал с иконостасом, и получил тяжолый ушиб»¹⁵.

24 мая 1906 г. ИМАО попросило А. А. Титова принять надзор за ремонтом церкви с. Билукова Юрьевского у. Владимирской губ, который первоначально заключался в обшивке здания новым тесом взамен обветшавшего¹⁶. 24 мая 1906 г. А. А. Титов и Д. А. Иванов (будущий член ИМАО и руководитель Ростовского музея) осматривали работы ц. Билукова, заключив: «Вся реставрация производится вполне правильно». А. А. Титов при осмотре обнаружил «прежняя царския двери». Староста и возобновитель храма Всеволод Гаврилович Гогин согласился передать их в музей. По словам А. А. Титова,

¹⁴ ГМЗРК. АДМ-14. Л. 39.

¹⁵ ГМЗРК. АДМ-195. Л. 30–31.

¹⁶ ГМЗРК. АДМ-196. Л. 38.

«врата половины XVIII в. и представляют собой своеобразную особенность того времени. Этого типа царских врат у нас в Музее нет». Благодарность за пожертвование Гогину выразил Комитет РМЦД¹⁷.

Вообще, приходское духовенство зачастую относилось с пониманием к задачам Комиссии. Так, благочинный священник ц. Всех Святых с. Смоленского Ярославского уезда Александр Бенедиктов, приглашая Шлякова для согласования возобновления внутреннего устройства и древних обветшавших икон храма XVII в., сообщал: «Храм этот и по внутреннему своему устройству, и как остаток некогда существовавшего здесь монастыря, может и Вам, как любителю древности, доставить живой интерес»¹⁸.

Сложнее складывались отношения с монастырскими властями. Особенно часто интересам науки и культуры с нуждами монастырского хозяйства приходилось сталкиваться в двух подростовных обителях — Белогостицком и Борисоглебском монастырях¹⁹.

В противоречие с необходимостью охраны памятников нередко вступало городское хозяйство и интересы частных предпринимателей. Пять раз ростовским археологам пришлось вступаться за Валы — знаменитую Ростовскую земляную крепость 1632 г., построенную голландским инженером Яном Корнелиусом Роденбургом. В 1889 г. по их инициативе состоялось постановление Городской думы об охране городского вала, как памятника древностей.

8 сентября 1892 г. в 10 ч. утра А. А. Титову и И. А. Шлякову «было заявлено», что ростовский мещанин Иван Павлинов Бибиков, живущий на Подозерке, «раскопывает вал». Не теряя времени, вместе с дворянином А. Л. Ушаковым, мещанином В. А. Козловым и подрядчиком земляных работ Шавиловым археологи пришли на место, где обнаружилось, что «вал обрыт в ширину на пространстве 2 ½ аршина а в длину 6 заборных звеньев, которые и переставлены, при сем застали плотников переставляющих остальные 2 звена и разбросанную разрытую свежую землю». В полицию и городскому голове было заявлено: «Мещанин Бибиков, не однократно судившийся за не правильную торговлю вином был 24-го Августа сего года избран в Гласные по 3 разряду и вот вероятно пользуясь этим уважением, первое, что начал делать, это уничтожать древность и захватывать Городскую землю». Ростовцы просили губернатора «сделать зависящее распоряжение относительно беззакония мещанина Бибикова»²⁰. 13 ноября 1892 г. городской судья в открытом заседании разбирал уголовное дело по обвинению мещанина Бибикова «в проступках предусмотренных 32 и 33 ст. Уст[ава] о Нак[азаниях], выразившихся в срытии городского вала». Первое заседание

¹⁷ Там же. Л. 47.

¹⁸ ГМЗРК. АДМ-33. Л. 5 об.— 6.

¹⁹ Более подробно эта проблема рассмотрена: *Непоспехов О. О.* Общественный надзор за состоянием памятников архитектуры в монастырях Ярославской епархии // XIX Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой. В печати.

²⁰ ГМЗРК. АДМ-59. Л. 28—28 об.

состоялось 5 октября. Бибиков виновным себя не признал: «перестраивая забор, он крепостного вала не захватывал, вал был попорчен мимоходом и хотя исправлялся по весне, но летом он, вследствие таяния зарытого в нем льда, осел». Кроме того, Бибиков обвинял в срытии вала... полицию, и просил вызвать старшего полицейского служителя Костырева, который «распоряжался арестантами при подчистке городского вала перед приездом Великого Князя» (имеется в виду визит Сергея Александровича и Елисаветы Феодоровны 5 июня 1892 г.). Городской голова вспомнил, что неизвестно кем и почему срыта часть земли «на самом верху» вала у Каменного моста. По утверждению Титова, Бибиков, переставляя свой забор, «захватил и срыл часть городского вала, смежную с его землею». Шляков и Шавилов не связывали захват земли со срытием вала. Заседание, перенесенное для вызова новых свидетелей, возобновилось 16 декабря. Дворянин Александр Павлов Лупандин показал, что вал был сильно испорчен весенним льдом, и, хотя затем и произведена была «реставрация» вала, но он осел после нее, так как «для этой цели брались лишь земли раскиданные льдом», вследствие чего после починки из вала сочилась вода. По словам мещанина Николая Васильева Данилова, арестанты весной убрали территорию у подножия валов и брали для этой цели землю с вала, «которой, по его соображениям, было взято до 30 возов». За этими работами наблюдал полицейский Михаил Михайлов Костырев, который заявил, что землю для засыпки нечистот и тресты около забора Бибикова он «хотя и распоряжался брать с вала, но землю наносную», и производил эти работы уже после ремонта вала, испорченного ледоходом, «и в то время из вала текла вода». На заседании заслушали и других свидетелей и, ввиду их разногласия, решено было провести осмотр на месте, который состоялся 30 октября. 13 ноября состоялось последнее заседание суда. Бибиков был оправдан, так как судья не нашел достаточных оснований для его обвинения в порче вала.²¹

24 сентября 1899 г. А. А. Титов сообщил в Кремлевскую комиссию о том, что городская дума позволила отдать участок городской земли «у самого вала Карпову для постройки сарая для дров». «Не говоря уже об опасности в пожарном отношении, — продолжал Титов, — самая постройка должна попортить вал, древний памятник XVII в., по которому совершается ежегодно крестный ход. Уже и теперь вал совершенно портится и разрушается, а по осмотру сделанному мной 23 сентября совместно с Г. Исправником, из застроенных у Вала сараев того же Карпова и Смурыгина, протекает зловонная жидкость и вообще все эти постройки нарушают Высочайше утвержденный городской план». А. А. Титов просил Комиссию «протестовать против разрешения постройки» и ходатайствовать перед губернатором о принятии мер к охране памятника²². Комиссия выполнила предложение А. А. Титова, после чего «известилась, что ходатайство это Г. Начальником Губернии уважено, так как постройка сарая Карпову была воспрещена, а также предписано было

²¹ ГМЗРК. АДМ-59. Л. 39–47.

²² ГМЗРК. АДМ-179. Л. 24–24 об.

и впредь охранять от обкопов и заездов городской земляной вал»²³.

Еще два случая — инициатива 1911 г. священника Благовещенской церкви о засыпки «болота-ямины» у церковного дома, на поверку оказавшейся остатками древнего рва, и инцидент 1910 г. с застройкой вала сараем соборного старосты — уже описаны исследователями²⁴.

Санкционировались и профилактические меры для защиты древних памятников крепостного зодчества. 2 октября 1893 г. члены кремлевской комиссии разрешили командиру 3 батареи 3 гренадерской бригады «посадку деревьев на валу лежащем близ казарм», т.е. у Конюшенного двора, что обязывал сделать циркуляр Главного штаба за № 40 от 1890 г.²⁵. В 1902 г. комиссия разрешила городской управе «устроить для учеников городских училищ праздник древонасаждения; при чем обсадить деревьями предположено окружающие Кремль города валы» — на сей раз инициатива исходила от губернатора и директора народных училищ губернии²⁶.

К ростовским археологам неоднократно обращались за консультацией по самым разным вопросам. 24 июня 1904 г. комитет РМЦД направил по запросу старосты церкви с. Глотова Владимирской губ. (ныне церковь перенесена в Суздаль) господину Игнатию Лучкову «две сохранившиеся в нашем Музее бумаги, относящиеся до церквей» Покровской с. Чернокурова и приговор прихожан, относящийся к ц. с. Глотова Юрьевского уезда Владимирской губернии²⁷.

16 июня 1904 г. ростовцы отправили на имя И. А. Вахромеева в распоряжение Комиссии по реставрации ц. Иоанна Предтечи в Толчке восемь висячих замков, два ключа, два внутренних резных замка, две рамы слюдовые оконные²⁸.

12 апреля 1905 г. Н. В. Султанов писал И. А. Шлякову о том, что великий князь Константин Константинович устраивает церковь в новом здании Константиновской гимназии в Санкт-Петербурге. «Его Высочеству угодно, чтобы над престолом была сень на четырех столбиках». Н. В. Султанов, как руководитель устройства здания, полагал, что лучшего образца сени, чем в ярославской церкви Николы Надеина, «не выдумать», и поэтому просил Шлякова узнать, во что обойдется снять точную копию «с раскраской, позолотой и подписью» с него в Ростове²⁹. Шляков поручил известному резчику Никольскому заняться копией сени, но настоятель храма 21 апреля 1905 г.

²³ Там же. Л. 32.

²⁴ Отчет Комиссии по административно-хозяйственному управлению Ростовским кремлем за 1911–1912 год. Ростов, 1912. С. 6–8; *Водорезов А. В., Печкина Л. В., Усков В. А.* История хозяйственного освоения и состояние сохранности территории земляных валов // ИКРЗ. 2004. Ростов, 2005. С. 354–359.

²⁵ ГМЗРК. АДМ-59. Л. 68, 69.

²⁶ ГМЗРК. АДМ-164. Л. 103 об.— 104.

²⁷ ГМЗРК. АДМ-195. Л. 29.

²⁸ Там же. Л. 28.

²⁹ Там же. Л. 84–85.

отказал, так как «сень эта реставрируется и разобранная на части находится у мастера»³⁰. Сообщая об этом Султанову, Шляков предложил ему, как члену ИАК, запросить настоятеля «имеется ли у него надлежащее разрешение... на реставрацию сени?»³¹. ИАК ответила Султанову, что наблюдение за ремонтом храма поручено комиссии из членов Ярославской ученой архивной комиссии, и что «сень восстанавливается не только в прежнем виде, но и прежними приемами». В виду всего изложенного Комиссия «не нашла необходимым прекратить золочение сени»³².

Существенное, хотя и не всегда решающее, влияние на вопрос о разрешении тех или иных работ оказывал возраст памятника. Как следует из цитируемой выше ст. 47 «Устава духовных консисторий», к древним церквям, подлежащими особому вниманию археологов, относились «построенные вообще не позже начала осьмнадцатого века».

22 марта 1907 г. в РМЦД обратился и. д. настоятеля Варницкого монастыря иеромонах Димитрий. Мотивируя тем что «в соборном летнем храме... монастыря внутри стены, покрытые клеевыми колерами, настолько полиняли и лущатся, а также и стенные священные изображения, так что возобновление тех и других необходимо и желательно в скорейшем времени. Снаружи храм также требуется покрасить и побелить. Имея намерение начать работы, не изменяя цвета стен и изображений, наступающей весной, покорнейше прошу уведомить монастырь, не имеется ли к производству означенных работ каких-либо препятствий со стороны археологического устава. Храм построен в 1771 году, стенная-же живопись обновлялась годов 15 назад»³³. Постановление Ростовской кремлевской комиссии от 23 марта 1907 г. гласило: «в виду того, что храм построенный в 1771 г и живопись в нем была возобновлена в 1805—1806 и притом не представляет ни художественного ни исторического значения, (кроме уцелевшего изображения Ростовского кремля в правом столпе, в нише над иконостасом, писанное на дереве), то за исключением этого изображения, может быть возобновлена совершенно беспрепятственно»³⁴. В сообщении иеромонаху Димитрию указывалось на необходимость покраски в те же цвета, что и раньше; требовалось при возобновлении живописи не изменять изображений (видимо, сюжета); древнее изображение Ростовского кремля должно было быть сохранено «без малейшего подновления»³⁵.

13 декабря 1908 г. Кремлевская комиссия сообщала настоятелю Борисоглебского монастыря о. архимандриту Антонию, отвечая на его заявление от 9 декабря, «в позолоте иконостаса в Благовещенской (зимней)

³⁰ Там же. Л. 86.

³¹ Там же. Л. 87.

³² Там же. Л. 90—91 об.

³³ ГМЗРК. АДМ-196. Л. 112 а.

³⁴ Там же. Л. 113

³⁵ Там же. Л. 120.

церкви, как [храма] построенного в 1830 году от Комиссии не встречается препятствий, но с тем, чтобы существующия в этом храме древнейшия иконы XVI века, оставались бы не прикосновенными; т.е. ни малейшей поправки, или промывки этих икон, ни в каком случае не было допущено³⁶.

Авторитет ростовских археологов был столь высок, что к ним обращались из-за пределов Ярославской губернии. Так, 23 июня 1905 г. священник тотемской церкви Иоанна Предтечи Павел Рукин обратился в «Съезд Археологической Комиссии в г. Ростове» с просьбой относительно ремонта и очистки древней стенописи их церкви постройки 1738 г., которая «замечательна тем, что писалась не по штукатурке, а по чистому кирпичу». О. Павел сообщал, что «заезжие ученики и ученицы рисовальных школ обращали на указанную живопись значительное внимание и советовали мне обратиться в Археологическую Комиссию для разъяснения какой ремонт мне приложить к стеной живописи нашего храма». Ростовцы переадресовали Рукина: «в силу Высочайше утвержденных правил о Ростовском Кремле, на Комиссию нашу возложены права и обязанности иметь наблюдение за сохранностию древних памятников, только в Ростовском Кремле находящихся. Непосредственное же, заведывание всеми вообще памятниками церковной старины в Российской Империи, как известно, в силу постановлений и распоряжений Святейшаго Синода, возложено на Императорскую Археологическую Комиссию (в С-Петербурге), или на одно из ближайших, по месту нахождения древняго памятника, археологических обществ, которые и имеют право давать разрешения и вообще указания на производство реставрационных работ по возстановлению того, или другого памятника древности»³⁷. Отказывая о. Павлу, члены комиссии были формально правы, однако на деле они часто принимали на себя наблюдения далеко за пределами Ростовского кремля. Видимо, дело в том, что в этих случаях они выступали по поручению вышеупомянутых «заведывающих» памятниками церковной старины организаций, и предварительно тотемскому священнику следовало бы обратиться в Москву или Санкт-Петербург. Именно по приглашению упомянутых инстанций, И. А. Шляков участвовал в том или ином качестве в реставрации ведущих памятников Ярославской губернии: ярославских церковей Ильи Пророка и Иоанна Предтечи, Крестовоздвиженского собора в Романово-Борисоглебске (каждая такая работа может стать предметом самостоятельного рассмотрения).

Большое значение имела исследовательская работа ростовских археологов, в результате которой многие памятники были введены в научный оборот и стали широко известны. К примеру, И. А. Шляков опубликовал сначала в «Ярославских губернских ведомостях», а затем и отдельным изданием «Путевые заметки о памятниках древнерусского зодчества». А. А. Титов в 1911 г. издал капитальный труд «Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках» — своеобразный каталог движимого церковного иму-

³⁶ ГМЗРК. АДМ-197. Л. 67–67 об

³⁷ ГМЗРК. АДМ-193. Л. 27–27 об., 30–30 об.

щества (икон, богослужебных предметов из церковных ризниц), имеющего историческое или культурное значение.

В этой связи уместно будет вспомнить, что охранные мероприятия ростовских археологов простирались и на движимые памятники. Так, 22 сентября 1904 г. ИАК разрешила Спасо-Яковлевскому монастырю «передать накопившиеся в нем старья иконы в комитет по снабжению бедных церковью иконами и утварью при Московской Синодальной Конторе» только после их осмотра специалистами Ростовского музея, в который и поступила часть икон по их выбору³⁸. 9 апреля 1905 г. члены Комитета Ростовского музея А. А. Титов, И. А. Шляков и В. И. Мансветов составили «Акт осмотра ризницы» того же монастыря: «осмотрев... ветхия священническо-диаконские облачения, которые, предназначаются к исключению из монастырских описей — мы не находим к тому препятствий, но с тем, чтобы означенные вещи были бы всецело (как заявил нам О. Настоятель) употреблены на починку той-же монастырской утвари, и ни в каком случае не могли бы быть уничтожены, или же переуступлены торговцам старинными вещами, как это нередко практикуется в иных монастырях».³⁹ 31 декабря 1908 г. консистория обратилась с просьбой о дозволении им произвести поправку плащаницы в церкви села Яковлевского в горяях, с подробным ее описанием. Резолюция А. А. Титова гласила: «Так как плащаница в церкви Гарей второй половины XIX в. и никакой не только древности, но и художественного памятника из себя не представляет, то вполне может быть перешита на новый бархат»⁴⁰.

А. А. Титов был инициатором изучения и сохранения надгробных надписей. Так, 23 декабря 1908 г. И. А. Шляков писал А. А. Титову: «Третьяго дня я виделся с О. Михаилом Вороновым, священником Введенской церкви: он охотно взял на себя труд описать выдающиеся надписи эпитафии с надгробных памятников в Богоявленском монастыре. Для тех же целей Ваших, по составлению Ростовск[ого] Некрополя, приказал я Панову снять фотографию с каменнаго креста, недавно поступившаго в Музей из здешняго собора; это тоже надгробный памятник XVI в.: на нем нам удалось прочесть дату о погребении»⁴¹.

Упомянем и об одном, чрезвычайно интересном проекте И. А. Шлякова, к сожалению, не реализованном. 9 февраля 1889 г. Ярославский Комитет по управлению Ростовским кремлем писал в Ростовскую комиссию: «Предложить Комиссии ввиду незначительности заявленной на торгах 12 Января цены за аренду Кремлевского огорода, а также в виду заявления Члена Комиссии Г. Шлякова, приостановится сдачею огорода впредь до разрешения Консисториею вопроса о переносе в Ростов деревянной церкви

³⁸ ГАЯО. Ф. 693. Оп. 1. Д. 22. Л. 31; Известия ИАК. Вып. 26. С. 165.

³⁹ ГМЗРК. АДМ-195. Л. 83.

⁴⁰ ГМЗРК. АДМ-197. Л. 68–69.

⁴¹ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 2017. Л. 52.

из Колягинского погоста»⁴². Таким образом, Шляков предполагал перенести с прежнего места и разместить в «кремлевском огороде» (Митрополищем саду) памятник деревянного зодчества, церковь XVII в. Воплощение этой задумки могло бы стать началом новой жизни и храма — в качестве своеобразного музея, и «огорода», как площадки для новой музейной экспозиции. Как известно, первый музей под открытым небом — Скансен — был открыт в Швеции только в 1891 г., и ростовцы имели шанс опередить шведов. Но уже 26 марта 1889 г. заседание Комиссии под председательством ярославского архиепископа Ионафана постановило сдать огород в аренду И. А. Рулеву, «разрешив ему, Рулеву, ремонтровку каменного дома, находящегося на этом участке земли».⁴³ Тем не менее, И. А. Шляков не оставлял попыток устроить судьбу деревянного храма, рассказывал о нем, в частности, известному архитектору Н. В. Султанову, который предложил одному из московских монастырей забрать этот храм. К сожалению, и эта инициатива осталась нереализованной, и в итоге памятник, находясь на прежнем месте, сгорел уже в советское время.

В настоящей публикации представлен самый краткий обзор деятельности ростовских защитников старины. Но уже сейчас можно с полным основанием говорить о том, что учредители и сотрудники Ростовского музея не ограничивали своих забот зданиями Ростовского кремля, простирая свою деятельность до отдаленных пределов Ярославской, Владимирской, Нижегородской и Смоленской губерний. В деле сохранения древних памятников они выступали на правах членов общественной организации — Московского археологического общества, однако широко и плодотворно сотрудничали и с государственной организацией — Императорской археологической комиссией. В условиях острой нехватки специалистов на местах, Ростов и его округа благодаря А. А. Титову, И. А. Шлякову и их сподвижникам, являлись замечательным исключением в российской провинции.

⁴² ГМЗРК. АДМ-44. Л. 20.

⁴³ Там же. Л. 21—21 об.